

Е ЯНА
ГОРОВА

Наследница
ШОВИНИСТОВ
деМ АРМОНТЕЛЬ

СЕРИЯ РОМАНОВ:
ТЁМНАЯ СТРАСТЬ

Темная страсть

Яна Егорова

**Наследница шовинистов
де Мармонтель**

«Егорова Яна»

2019

Егорова Я.

Наследница шовинистов де Мармонтель / Я. Егорова — «Егорова Яна», 2019 — (Темная страсть)

Лулу Рыбакова в свой восемнадцатый день рождения узнает жуткую правду о себе. Оказывается, ее мать (дворник в Кингисеппе) всего лишь выносила ее. Она была нанята богатой семьей из Франции в качестве суррогатной матери и сбежала в Россию на третьем месяце беременности. В день рождения за Лулу приезжает представитель семьи и, угрожая ее матери расправой, заставляет девушку отправиться к настоящей родне. Суррогатная мать пытается отговорить Лулу и готова сесть в тюрьму, только не пускать дочь в дом де Мармонтель. Это страшная семья, бежав от которой в свое время, женщина пыталась спасти ребенка – ведь зачатие Лулу – это уже часть мерзкого плана древнего аристократического колена. В книге присутствует нецензурная брань!

© Егорова Я., 2019

© Егорова Яна, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	27
Глава 8	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Яна Егорова

Наследница шовинистов де Мармонтель

Пролог

Забыла телефон в отведенной мне спальне, поэтому после странного позднего обеда с моей новой семьей, пришлось на ощупь пробираться по плохо освещенному коридору третьего этажа. Этот французский замок постройки одиннадцатого века был просто огромен. Свет горел в противоположном конце коридора, а в этом царила удушающая темнота. Моя комната располагается в самом конце, до нее еще около десяти метров. Я ступаю почти бесшумно – под ногами мягкое ковровое покрытие. Скорее всего, именно по этой причине меня не заметили те двое, кого я увидела в узком проеме незакрытой двери в спальню Эврарда. Отреагировав на полоску света в темноте, прилипаю взглядом к происходящему внутри его комнаты, уже через мгновение прижимаюсь к стене и замороженно наблюдаю за человеком, который привез меня сюда из родного Кингисеппа. В приглушенном свете вижу силуэт – сильное мужское тело Эврарда полностью обнажено. На кажущейся смуглой в этом освещении коже широкой спины молодого мужчины отплясывают тени языков пламени из камина. Они будто бы любя массируют его потрясающе сложенный стан: облизывают своим теплом широкие плечи с четко очерченными ключицами, ласкают прямой позвоночник и крутые ягодички, обнимают мощные бедра и просят проникнуть дальше, коснуться того, чего ни я, ни языки пламени не видим с этой позиции. Я никогда не видела живого мужчину обнаженным, а тем более, настолько красивого и уверенного в себе мужчину. Эврард забрал меня из маминого дома в тот день, когда мне исполнилось восемнадцать лет и силой привез сюда для того, чтобы я вышла замуж «по наследству».

Пока я, затаив дыхание, стою прижавшись к стене – в комнате разворачивается сцена, свидетельницей которой мне не стоило бы быть. Эврард не один, с ним девушка. Миниатюрная француженка со светлыми короткими волосами. Я не вижу и ее лица. Незнакомка стоит спиной к обнаженному мужчине. Ее плоский живот прижимается к одной из резных деревянных колонн, обрамляющих широкую древнюю кровать с четырех сторон. Эврард стоит позади нее, он слегка расставил ноги и обнял ладонями тонкую талию любовницы – молодая женщина отреагировала, выгнула спину и выпятила округлые ягодички. Мужские ладони последовали сексуальному призыву, сперва ощупали предлагаемое лакомство, а затем пальцы его правой руки медленно расстегнули молнию на короткой кожаной юбке француженки.

Я против воли сглотнула в этой крошечной темноте и облизала губы, в уголке которых накопилась слюна. Ладони горели, но я не замечала этого, продолжая подсматривать за происходящим и не веря в те ощущения, в которые при этом погрузилось мое девственное тело.

Тем временем юбка соскользнула с аппетитного тела девушки. Взору мужчины предстали дорогие кружевные трусики, облегавшие манящие женские ягодички и элегантные чулки на стройных ножках их владелицы. Опытной ладонью погладив нежную кожу женщины, Эврард снял с нее тонкую кофточку из белого шелка и одним движением ловких пальцев расстегнул лифчик на ее спине. Эти же пальцы коснулись напряженного соска девушки, покрутив твердую пуговичку в своих подушечках.

Девушка застонала и вместе с ее стоном из моего горла вырвался тихий звук. Я испугалась – голова Эврарда дернулась в мою сторону, но не повернулась до конца. Как будто передумав выяснять, что это было, он продолжил заниматься своей любовницей, уводя руку от соска, вниз по животу подчиненной женщины и нырнул под крохотный треугольник материи у нее между ног. Я интуитивно облизнула губы – моя собственная грудь полыхала и налилась тяже-

стью так, словно он сейчас это все проделывал не с ней, а со мной. Не в силах уйти, я осталась подглядывать. Окончательно прилипла к стене, как только Эврард взял лежавший на кровати моток настоящей веревки, заставил любовницу встать на колени, на здесь же лежавшую шкуру какого-то большого зверя, и начал ее связывать...

Глава 1

Кингисепп, 15 декабря

Облизала ложку, не забыв при этом зажмуриться от удовольствия, крикнула в комнату:

– Мам! Я сделала рассольник!

– Молодец! Разложи в две салатницы и неси на стол, скатерть я уже погладила!

– Салатницы? А они у нас не на кухне?

– Да нет же, дурочка! В комнате, иди возьми.

Я сорвалась с места и помчалась к маме в большую комнату. По пути, как и всегда в таких случаях, зацепилась прядью длинных русых волос за угловое зеркало – оно у нас старое, зажимы наружу торчат, и я постоянно за них цепляюсь. А потом отдираю клоки волос, чтобы не пугать подруг, которые частенько заглядывают ко мне в гости.

Вбежав в комнату, повисла у мамы на шее. Обняла и поцеловала в щеку.

– Мамочка, ты представляешь, мне уже восемнадцать! Я взрослая! А можно, можно мы с девчонками сегодня вина выпьем?

Я повисла у мамочки на шее почти в буквальном смысле. Не сбылась моя мечта – я все ждала, когда дотянусь по росту до нее и так не дождалась. Наверное, я в отца, жаль, не сохранилось у мамы его фотографий. Нет, точно в отца. Мамочка у меня женщина красивая, высокая, настоящая сибирячка. А я сначала тянулась, тянулась, а потом остановилась на полпути, так и не доросла один сантиметр даже до ста семидесяти. Мои подружки, Катька и Ленка, давно меня переросли, смеются, что я мало ем. А я не мало ем! Я лопаю за обе щеки, при этом не толстею и не расту. По нашему небольшому городку уже давно ползает слухи, что я мамочке не родная. Глупости все это! Весь город знает, что рожала она меня в нашем единственном роддоме. Тетя Клава роды принимала, как может быть иначе?

– Взрослая, взрослая, – мамулька похлопала меня по плечу.

Люблю ее жесткие руки. К сожалению, не повезло мамочке получить образование. Почти всю мою жизнь, сколько я помню, мамуля отработала в нашем же доме дворником. Работа с одной стороны физическая, с другой – плюсы тоже есть. Мамуля знает всех в нашем доме, на работу далеко ходить не надо. И я ей с самого детства помогаю.

– Ты давай, беги, салат выкладывай, сейчас твои подружки явятся и Мишка, небось, прискачет?

– Не прискачет, я его не пригласила.

– А чего так? Хороший же мальчишка, папа у него наш участковый, надежный мужчина. Как и я, за порядком следит.

– Мамулечка, я все знаю! Но что делать, если он мне не нравится?

Мама поморщилась, взяла утюг и отставила его на подоконник.

– А Гриша тоже не нравится?

– Не нравится! Мамусь, ну, что ты такой грустный?

Она посмотрела на меня каким-то незнакомым, чужим взглядом.

– Замуж тебе надо.

– Зачем? – подпрыгнула я. – Мамулечка, мне же только что восемнадцать исполнилось!

– Замуж тебе надо, – строго повторила мама. – Тебе защитник нужен. Что я могу?

– Мам, ну, какой защитник? Я же у тебя Лулу! Воительница! Ты же сама говорила, что мое имя означает – воительница. Я во-о-от, – показала ей хиленький бицепс из-под короткого рукава майки, – видишь, какая сильная?!

Мама даже не улыбнулась.

– То же мне, воительница. Метр с кепкой. На тебя ветер подует и улетишь. Чего ты нос воротишь от наших парней? Чем они тебе не нравятся? Недостойны такой красоты?

– Мам! Нет, сейчас обидно было! Ты чего?

Я топнула ногой. Захотелось расплакаться. Я не виновата в своей внешности. Так получилось, что я нравлюсь мальчикам, но и упреки за это постоянно получаю. А что делать, если меня сейчас никто не интересуется? Разве что, мой учебник по химии – вот, где я могу днями пропадать. Парни гуляют, катаются на великах, на дискотеки ходят, я все это не люблю. И за свою отстранённость постоянно получаю тумаки. Разве это честно?

– Ладно, ладно.

Мама вдруг расслабилась, она прекрасно знает, что я не строю из себя принцессу. Всегда ей помогаю, бегаю на подработки и честно учусь. Но даже зная меня, она все равно периодически считает необходимым поругать дочку за заносчивость. Которой нет!

– Доченька, давай не будем сегодня об этом. Завтра поговорим. Накрывай на стол, мальчиков я сама позову.

– Не надо мальчиков! Мамуся! Пожалуйста!

– Надо! Не перечь матери. Кто все эти салаты есть будет? Тетя Лида придет, мы с твоим отчимом и ты, прожорливая моя крысочка.

– Я сама все за всех съем, не надо мальчиков, мамулечка.

– Еще как надо! Все, довольно разговоров, дуй на кухню, салат, стаканы неси, я сейчас сыр нарежу. И огурцы... ой, огурцы же еще! Ты мороженое в морозилку поставила?!

Я умчалась. Дел действительно было много. Девчонки уже звонили, придут чуть раньше. Очень надеюсь, мама не пригласит парней. Эта ее навязчивая идея найти мне мужа, без конца заставляет нас ругаться с моих пятнадцати лет. Не знаю, почему она так в это уперлась? Неужели я ей настолько мешаю? Вроде бы нет. Живем душа в душу. Даже когда в нашей квартире десять лет назад появился дядя Иван, ничего не изменилось. У них своя комната, у меня своя. Я стараюсь не мешаться под ногами, приходя со школы обедала, помогала маме если надо было и уходила к себе. Дядя Иван очень добрый и спокойный. Он тоже весь в работе. Целый день пропадает в своем мире сантехники, спасает наших соседей, знакомых и заботится о жителях города. А вечером, после одной рюмочки водки, подолгу читает книги или смотрит с мамой передачи по телевизору. Они оба у меня далеки от интернета, даже не интересуются им. У мамы до сих пор телефон кнопочный. Я как-то пыталась ее уговорить завести аккаунт в социальной сети.

– Зачем? Что я там забыла? – она только хмыкнула на это.

– Как? Ты же жила когда-то во Франции. А вдруг, кого-то из друзей найдешь?

Мама на это отреагировала так резко, что я зареклась в последствии поднимать данную тему:

– Это было давно. Я там не прохлаждалась! Некого мне там искать!

Я так перепугалась, что даже не стала спрашивать дальше. Знаю ее, не хочет – все равно ничего не скажет. Но я потихонечку провела свое расследование. Мама вернулась из Франции в Россию, когда была на третьем месяце беременности. Она встала на учет у нас, в Кингисеппе, ровно на этом сроке. Была там на заработках и говорит, что именно на эти деньги нашу квартиру купила. Это очень запутанная история, концы которой мама так тщательно спрятала, что мне до сих пор не удалось узнать, почему отчество мне дал дядя Карен, старый друг мамы. Мои девчонки говорят, что скорее всего, мой отец очень сильно обидел мамульку, поэтому она его знать не хочет и не желает, чтобы он контактировал со мной. Мы с ними пытались найти концы – тщетно. Я же не знаю о нем совсем ничего. В поисках даже не помогло мое знание французского языка. Это было единственное, на чем мама настаивала, чтобы я учила до позеленения. Французский язык. И постоянно искала мне мужа. Я даже иногда смеюсь, что теперь мне дорога не в химики, а в переводчицы. Мамочка на мое веселье всегда отвечает мрачным молчанием.

К трем часам дня стол уже был накрыт. Мы с мамой отправились наряжаться, дядя Ваня давно был намыт, начищен, сидел в кресле и сторожил праздничный стол от нашего кота Пончика. Мама подобрала его котенком на улице, ровно, кстати, год назад. Пончиком назвали, потому что маленьким он ел без перестану и быстро потолстел. Но потом так же быстро похудел, а кличка за ним закрепилась.

В честь праздника, я сорвала бирку с новых джинсов с высокой талией и на куче заклепок на животе. Джинсы – мамин мне подарок. А еще черная толстовка с белой надписью на груди. Я очень хотела именно ее, дороговато, но в качестве подарка на восемнадцатилетие мамулечка решила не скупиться. А еще в коридоре у меня стоят новые белые кроссовки – их я надену, когда пойдем гулять после торта. Мама ругается, говорит, не время зимой в кроссовках по улице ходить. Не слышит меня, что они высокие и подойдут не хуже зимних ботинок. И вообще! Я очень хочу сегодня хорошо выглядеть. Именно так! Это же мои восемнадцать лет.

Девчонки прибыли вовремя. Мамины гости тоже. Мне подарили розы, гвоздики и несколько конвертов с деньгами. Это здорово! Смогу потом потратить маме на новое пальто, мне как раз не хватает.

– Лулу! – Катя, моя любимая подружка, вскочила со своего стула, одернула короткое платье, которое надевала на выпускной и громко произнесла речь. – Желаем тебе вырасти и потолстеть! Догоняй нас с Ленкой!

– Ну, нашла, какой тост сказать, – поморщилась моя мама. – Чему вас учили?

Катка моя не смутилась:

– Нина Ивановна, Лульке нашей можно потолстеть, нам с Ленкой тоже замуж надо выско-чить! Правда, Лен?

– Правда! Лулек такая тощая, что ее нос скоро даже из маленького сугроба не найдешь. Упадет с горки, потом лишь по весне отыщем! Моя мама говорит, нельзя в наших краях быть такими худыми.

– Это у вас без проблем получится, замуж выйти, наша стрекоза давно замужем за своими учебниками, – крикнул дядя Ваня и налил себе рюмку водки. Он шипучку не пьет, говорит, этот желтый сироп с пузырьками только для девчонок. – Ну, будем!

– За твое здоровье!

– За здоровье, Лулек! Расти большая!

– С днем рожденья доченька!

Мы чокнулись под оглушительный звон дверного звонка. Сердце ухнуло в пятки, за приоткрытой форточкой каркнула ворона. По неизвестной причине меня накрыл дикий ужас. Даже не страх. Жутко стало настолько, что ладони тут же взмокли. Я все же решила допить содержимое бокала и потом идти открывать дверь, ведь загадала же желание. В те секунды пока пила, на наш подоконник уселась здоровенная, жирная ворона. Она прокаркала несколько раз, глядя прямо... мне в глаза.

Глава 2

Я распахнула дверь, предварительно снова оставив клочок волос в подарок коридорному зеркалу. В глазок конечно же не посмотрела – полный дом народа, тем более, в нашу квартиру абы кто не заявляется. На пороге были двое. Упитанная дама, ровесница моей мамы. Она мне напомнила знаменитую телеведущую. На женщине красовалась соболиная шуба в пол, аккуратная прическа и лоб со щеками без единой морщинки. Крупные золотые украшения рассказывали о том, что незнакомка не из нашего города – у нас таких просто нет. Но больше, чем дама, меня заинтересовал человек, который стоял рядом с ней. Если дама выглядела богато, то от него прямо веяло властью и запахом золота. Рослый, подтянутый, в дорогом черном пальто и коричневых кожаных перчатках. Из-под пальто высовывался воротничок рубашки и галстук. Меня бросило в жар – взгляд карих глаз человека воткнул в открывшую дверь нож. Он мельком оценил меня с головы до пяток и, не поздоровавшись, прошел прямо в квартиру. Сделал это настолько резко, что я с перепугу отступила в сторону. В голове промелькнула мысль, что это может быть какой-нибудь владелец квартиры, недовольный работой моей мамы или отчима – больше вариантов быть не может. Женщина поспешила за ним, ее я аналогично пропустила. Она тоже стрельнула в меня глазами, поджала губы, как будто не смотря на всю свою важность, не одобряла поведения спутника. Я закрыла за ними дверь и устремилась в комнату, но уже на подлете вспомнила про ворону, которая так, кстати, и сидела на окне.

В комнате звучала французская речь. Говорил мужчина и... моя мама! Без предисловий, проигнорировав остальных, незнакомец остановился посреди комнаты и уставился на мою маму:

– Поговорим прямо здесь или дать вам шанс на жизнь в этом городе после нашего отъезда? – высокомерно задал вопрос богач на чистом французском.

Я замерла позади незваных гостей. Они оба как две скалы заслонили меня от мамы. В щель между их фигурами видела только ее побелевшее до смерти лицо. Мама не ответила, тогда вмешалась дама, заговорив по-русски:

– Нина Ивановна, я представляю московскую коллегия адвокатов. Поверьте мне, вам лучше поговорить с этим человеком и согласиться на его предложение. Не стоит упорствовать. Мы можем пройти в другую комнату?

Я думала, что мама, а она у меня женщина с характером, взбрыкнет и ответит им, как подобает. Но она вдруг вся сникла и поднялась со своего стула. Гости развернулись вслед за ней, и адвокат поманила меня пальцем за собой. Что? А я-то здесь причем?

– Ниночка, мне с тобой пойти? – с опозданием спросил немного захмелевший дядя Ваня.

– Нет, – только ответила мама и мы вошли в мою комнату.

В моем маленьком мире стало очень тесно. Комната моментально заполнилась чужими, невероятно дорогими запахами, чужим присутствием и... страхом. Это был мамин страх. И мой. Но она знала, чего бояться, я же пока ничего не понимала. Кто эти люди? Вмешиваться поостереглась, так как мама меня учила в разговоры старших не влезать, мне лишь сегодня исполнилось восемнадцать, еще не успела осознать изменения. В отличие от других.

Поскольку мужчина вошел сразу за мамой, он обошел мою маленькую комнату, когда подходил к моему письменному столу, край его брюк коснулся покрывала на моей скромной кровати. В этой комнате все скромно – в нашей семье никогда не было денег. Тот раз, что маме удалось заработать, все ушло на покупку жилплощади. С тех пор мы здесь даже какой-то скромный ремонт делаем по капле в год. Незнакомец взял с моего стола книгу по химии, повертел ее в руках, как будто что-то мог прочитать по-русски, ничего не поняв, бросил, почти швырнул ее обратно.

– Чего вы хотите? – без жизни в голосе спросила моя мама. Она присела на край моей кровати и опасливо посмотрела на меня. Я хотела поймать ее взгляд, чтобы прочитать в нем хоть что-то. Может быть, уже пора полицию вызывать?

Мужчина, с высоты своего роста, посмотрел на маму еще более презрительно, чем на меня у входа в нашу квартиру и сказал по-французски:

– Я не планирую с вами обсуждение. Приехал, чтобы забрать то, что вы украли у семьи де Мармонтель. Ей сегодня исполнилось восемнадцать.

– Рыбакова, – вмешалась женщина, начав быстро говорить, – послушайте, я уже сказала, мы ознакомились с вашим делом. В ваших же интересах отдать дочь ее настоящей семье. Вы подписали договор, все было оформлено официально. Потом вы сбежали, прихватив с собой крупную денежную сумму. Теоретически, вы можете попытаться оспорить дело в суде, но я вам очень не советую с ними связываться. Это их ребенок. Сила на их стороне. Вас в любом случае посадят – и это еще будет большой удачей. Просто скажите дочери, чтобы она поехала с ним. У вас будет время до конца этого дня, чтобы попрощаться. Пусть девочка отдаст мне паспорт, я займусь ее документами – на это уйдет несколько часов. Это хорошая сделка для вас, лучшая, я бы сказала.

Мама глядела куда-то в пустоту. Словно в трансе, она медленно произнесла:

– Я лучше сяду, Лулу вы не получите. Она моя дочь.

Теперь я не удержалась. Оттолкнув тетку, подбежала к маме и обняла ее:

– Мам, мама, что происходит? Кто эти люди? Хочешь, я позову дядю Ваню, полицию вызову?

Меня остановила тетка, незнакомец вел себе так, как будто он ей уже отдал все указания, а она обязана их выполнить. Он лишь контролировал.

– Девушка, не спешите, – сказала женщина, прикоснувшись холеной ручкой к моему плечу. – Если вы опрометчиво позовете на помощь – ваша мама мгновенно сядет в тюрьму. Сейчас мы говорим по-хорошему, вы просто не понимаете сути вопроса.

– Так в чем же вопрос? Объясните! – выпалила я, сильнее прижавшись к маме, она даже не пошевелилась.

– С удовольствием. Собственно, за этим меня и наняли.

Женщина залезла в карман шубы и вынула оттуда визитку. Протянула мне.

– Елена Павловна, адвокат. А этот человек, его зовут Эврард де Даммартен. Он приехал за вами от имени вашей настоящей семьи. Рыбакова, украла вас у семьи де Мармонтель чуть меньше девятнадцати лет назад.

– Мама меня не крала! Она...

Тетка меня перебила:

– Рыбакова была нанята семьей де Мармонтель в качестве суррогатной матери. Девятнадцать лет назад. Вот, – она порылась в папке и вынула оттуда несколько листов с текстом, – вы умеете читать по-французски?

Я кивнула и взяла протянутые документы, в которых значились данные моей мамы, печати, подписи, свидетельства...

– Мам, мам, это правда? То, что говорят эти люди?

Адвокат ответила за нее:

– Правда, не сомневайтесь. Рыбакова получила деньги, прошла медицинские процедуры и на третьем месяце беременности сбежала на родину. Ваши родители сразу начали ваши поиски, если вы посмотрите в документы, там значится город Красноярск. Она заметала следы. Найти вас удалось только теперь. Лулу, вы должны поехать с представителем вашей настоящей семьи, там вас ждет настоящая мать и она... – женщина метнула быстрый взгляд в сторону мужчины – тот продолжал своими карими глазами стирать с лица земли нас с мамой. –

Я должна с прискорбием сообщить, что ваша настоящая мама – Селестина де Мармонтель, находится при смерти. Вас ждет брат и внушительное наследство.

Я смотрела на тетку в дорогой шубе. Информация немного не укладывалась в голове. Где-то в сознании появилась глупая мысль, что на столе остался мой рассольник и все это какая-то нелепость. Сейчас эти люди посмеются и скажут, что все это обычный розыгрыш...

В реальность меня вернул жесткий голос француза. Он приказал на своем родном языке:
– Ты должна немедленно отдать свой паспорт адвокату, к ночи мы вылетаем во Францию. Я обещал доставить тебя домой к завтрашнему утру. Если не сделаешь этого – Рыбакова отправится за решетку. Выбирай.

Я поняла все. Каждое слово. И все равно не верилось:

– Мам, мама, это правда?

Мама спрятала лицо в ладони и всхлипнула. Внезапно ее голова начала судорожно кивать.

– Они действительно могут тебя посадить?

Адвокат опять влезла:

– Лулу, ее посадят, она чужая вам. Вы – наследница богатого французского рода и вас похитили.

Мама вдруг подняла голову и закричала на них:

– Не отдавай им паспорт! Пусть лучше меня посадят! Пусть посадят, ты не поедешь к извергам Мармонтелям!!!

Мама кричала не на адвоката, а на мужчину. Тот остался стоять неподвижно. Еще пару секунд он удерживал щемящую тишину, после чего медленно наклонился и тихо произнес:

– Если понадобится, я посажу ее в клетку и все равно увезу. Как маленькое чертово животное. А ты, считай, уже сидишь.

Глава 3

Я отдала свой паспорт злой женщине, только тогда она покинула квартиру. Мужчина тоже уехал, вместо него на нашей лестничной клетке и в машине под окнами появились несколько типов в черной одежде. Мне дали четыре часа на сборы и прощание.

– Лу, кто это был?!

Катя с Леной набросились на меня сразу, как чужаки покинули помещение, оставив только смертельный холод после себя. Ворона за окном тоже улетела.

– Подождите, девчонки, – попросила я подружек, – не уходите только, мне с мамой надо поговорить наедине. Потом я все объясню.

В те минуты земля уходила у меня из-под ног. Мир пошатнулся. Я не знала, кому верить, что делать, куда бежать. Схватив стакан с водой, вернулась в комнату, плотно притворив за собой дверь. Подошла к маме, сидевшей на моей кровати, опустилась перед ней на колени и заставила выпить воды.

– Мам, мамочка, успокойся. Все будет хорошо, поверь. Ты только расскажи мне все. Кто они? Это не розыгрыш?

И ее прорвало. Она говорила быстро, убитым и уже совсем чужим голосом, постоянно отводила взгляд в сторону. Все это, вместе с ее рассказом, было моим приговором. Больше жизнь не будет такой, какой я ее знала. Мой конец пришел раньше, чем началась жизнь.

– Это правда. Правда, детка. Я тебе не рассказывала ничего именно затем, чтобы они до тебя не добрались. Я действительно жила некоторое время во Франции. До этого училась в столице, где и познакомилась с симпатичным студентом из Парижа. Потянулась за мечтой, вышла за него замуж и попала в сети извращенца. Он увез меня туда, измывался, пользовался тем, что я не знала языка, никого не знала в его городе. В результате, я убежала. Долго скиталась по улицам... жила без крыши над головой. Опустилась до того, что стала торговать телом. Но у меня всегда был сильный организм и... Однажды увидела объявление – требуются физически здоровые женщины, оплата очень высокая. Я думала, у меня появился шанс вернуться на родину, отсюда, ты знаешь, меня спасти было некому. Это оказалось, как ты теперь догадываешься, суррогатное материнство. Я согласилась. Ты понимаешь... это лучше, чем продавать себя на улице. Меня проверили, сделали все анализы, и я оказалась пригодной. Сибирская кровь – силы во мне даже после всех испытаний было предостаточно. Лулочка, детка, – мама вдруг взмолилась, схватила меня за руку и посмотрела заплаканными глазами, – тебе нельзя туда. Это страшные люди! О них говорили такое... Я сначала думала честно родить ребенка и на деньги уехать домой, но постепенно... узнала, с кем имею дело. Я защищала тебя, как могла. Послушай, не верь им. Никакие деньги не стоят того, что они сделают с тобой! Что они уже сделали!

– О чем ты, мам?

– Я... не... Лулу, это... Ты не должна уезжать! Поверь, я забочусь о тебе!

Я слушала ее и понимала, что все равно уеду. В том-то и дело, что я очень люблю свою маму. Я... я не понимаю, что это такое, что происходит, однако не дам ее в обиду. Они не посадят ее!

– Мамочка, ты заботилась обо мне, теперь моя очередь позаботиться о тебе. Я знаю французский, ты заставила меня выучить все о Франции. Я не пропаду.

– Лулу, нет, ты не понимаешь, – мама вымученно мотала головой, – в этом нет смысла. Они тебя нашли здесь. Тебе не убежать от них. Они купили всех. Лулу, тебе... тебе надо бежать прямо сейчас. Я тебя прикрою!

– О чем ты говоришь? Я не сдвинусь с места! Они угрожают тебе! Никуда я не пойду. Хотя, чтобы я полетела во Францию – полечу. Но это еще ничего не значит!

К сожалению, я говорила уверенно, но сама себе не верила. Я привыкла доверять маме. Она у меня строгая, но всегда ее советы оказываются самыми верными. Поэтому стоило верить. Нет, я не из тех, кто, услышав про богатую родню, несется за деньгами. Ничего хорошего не дадут люди, которые называют себя родственниками, и при этом так себя ведут.

За четыре часа я успела попрощаться с подругами. Коротко объяснила, что объявилась моя родня со стороны отца и срочно хочет меня видеть. Ни к чему им лишние подробности. Катя и Лена обнимали меня, зацеловали и попросили привезти что-то классное из Франции, если отец окажется не жадным. Я попрощалась с отчимом. Ему сказала ту же правду. Попросила вызвать маме врача после моего отъезда. Вне сомнений, это потребуется. Осталось собраться. Мама так и сидела в комнате, пока я складывала вещи в сумку, которую год назад таскала на спорт. Положила туда белье и учебник по химии, носки. У меня был дополнительный свитер – и он отправился туда же. Больше особо брать нечего. Пришлось взять все деньги, которые мне надарили подруги. Этого не хватит, чтобы вернуться. Этого вообще ни на что не хватит... Сбегать от них никакого смысла – они тут же вернуться, и мама пострадает. В результате, я оставила деньги на своей кровати, возле мамы, которую крепко-крепко обняла, поцеловала и обещала вернуться. Она так и не пошевелилась. Осталась сидеть, глядя в одну точку.

В дверь позвонили. Взяла сумку, посмотрела на маму.

– Я вернусь. Mam, я вернусь!

Мне пришлось уйти. За первым звонком, в дверь стали звонить безжалостно, требуя ее открыть. Я поехала в своих новых джинсах, новом свитере и кроссовках. На улице зима. Началась метель. Закуталась в тонкую куртку, перепутав ее почему-то с теплой. В голове каша, в ушах звон, а я иду за одним из парней, дежуривших у двери. На улице меня ждала черная машина. Я открыла дверь на заднее сиденье – с другой стороны там сидел этот, как его... Эвхард? Мужчина в дорогой одежде даже не посмотрел в мою сторону. Я задержалась, пока отдавала сумку водителю, за это время метель занесла в салон кучку снега. Прямо на мое сиденье и немного на друга «моей семьи». Как только водитель вернулся на свое место, «друг» приказал по-французски:

– В Пулково.

Бросила последний взгляд на окна своего дома. Там осталась безутешно плакать моя мама. К моему дикому ужасу, уехать с этим страшным человеком – лучшее, что я могу для нее сделать. Так ее никто не тронет. Я нисколько не сомневаюсь, что там, куда меня везут – хорошо не будет. Этот человек собирался увезти меня в клетке, как животное. Хорошая же у меня семья. Ничего не скажешь.

Я безмолвно попрощалась со своим домом и поздравила внутри себя воительницу Лулу со счастливым днем рождения.

– Моя мама сказала, что ваши Мармонтели – изверги, – заявила типу, сидевшему рядом со мной на чистом французском. Что сказать, мы с мамой много практиковались, теперь я понимаю, почему.

Друг моей семьи посмотрел на часы, затем вернул взгляд на окно:

– Ты одна из них. И, пожалуй, – он сделал паузу, – Рыбакова впервые сказала тебе правду.

– Вы же с ними дружите? – я поняла, что от ужаса, который вселяет в меня этот человек, мой язык превратился в неподъемное бревно.

– Я выполняю просьбу.

Он опять замолчал. Я тоже. Буквально на пару минут. Безумное количество вопросов роилось у меня в голове и этот рой подавил ужас от общения с ним:

– Вы расскажете мне про них? Про меня? Я же ничего не знаю...

Мужчина, имевший невероятно красивую внешность и показавший себя настолько же злым и жестоким, наконец повернулся ко мне. Карие глаза совсем ничего не выражали.

– Твоя семья тебе все расскажет. Я – не твоя семья. Единственное, чем могу тебя порадовать – тебя очень ждут. Ты даже не представляешь, как.

Глава 4

Чистокровная де Мармонтель. И первое подтверждение тому – лавандовые глаза. Их необычный цвет веками сохранялся у наследников аристократического колена. Русые волосы без единой завитушки – второй признак. А дальше рост, телосложение как у балерины. И голос. Она как будто всю жизнь говорила только на французском языке.

– Она – чистокровная наследница рода де Мармонтель.

– Эврард, что я тебе говорил! Понравилась? Но не вздумай на нее разевать рот, ты достаточно поигрался с Люси, Лулу – последняя из нашего рода. И она будет моей!

– Не волнуйся, Валентин. Второй раз я на это не поведусь.

– Рад это слышать. Должен же кто-то мне родить таких же чистокровных наследников! Остается удивляться, да, Эврард? Насколько ее не затронула недостойная оболочка, в которой она росла? Кстати, проблемы были?

– За исключением того, что вылететь из-за погоды мы сможем с опозданием на два часа, нет. Все прошло как по маслу. Я лишь немного припугнул Рыбакову. Ты оказался прав, адвокат выполнила свою роль и за деньги закрыла на все глаза. Рыбакова не знает о том, что суррогатное материнство во Франции запрещено, ее дочь и подавно. Сразу испугались и сделали все так, как я того потребовал.

– А! Видишь! Мой отец знал, что делает! Деньги, Эврард. Деньги правят этим миром! А наша семья всегда умела с ними обращаться.

– До сих пор не понимаю, как ему удалось все это провернуть.

– В лучших традициях аристократии, дорогой! С размахом! – мой собеседник на другом конце рассмеялся. – Абсолон де Мармонтель купил разорившуюся клинику в Париже, нанял врача. На объявление отреагировали низшие слои – это и ожидалось. Конечно, идеально было бы, чтобы плод выносила чистокровная француженка, аристократка, но в нашей стране настолько выбирать не приходилось. С учетом того, чьи материалы были смешаны, требовалось физически крепкое тело. Глупая русская проститутка, торговавшая своим телом на улицах Парижа, не знала законов. А получив деньги, сделала все так, как и замыслил отец. Сбежала и положила свою никчемную жизнь на то, чтобы вырастить мне жену. Разумеется, был шанс, что родится мальчик, но нам повезло. В ином бы случае, через год отец просто повторил бы этот трюк.

– Ты не говорил, что вы спровоцировали побег.

– О, дорогой Эврард! Ты еще очень многого не знаешь! Ты – мой друг, ты почти мой брат! Дом де Даммартепов всегда был родным для нас. Но это не значит, что мы посвящали вас во все свои дела. Особенно, с учетом связи твоего отца и моей уважаемой матери, которая так упорствует против моего брака с сестренкой. Да, побег был задуман. Это был запасной вариант, мы не могли рассчитывать на идеальный союз с одной дочерью. Так и получилось, не так ли, Эврард? Не тебе ли лучше всех знать, почему? Хорошо, я ценю тебя больше этого. И верю, что ты не тронешь Лулу. Она красива, не так ли? Наши фамильные лавандовые глаза...

– Так ты знаешь?

– О! Ты веселишь меня, Эврард! Разумеется, я знаю. Наша семья позволила сбежать русской, но все восемнадцать лет, каждый день, за моей сестрой и невестой шло наблюдение. Я знаю все о ней. Могу показать детские фотографии! Я знаю ее первое слово, первые шаги, знаю... когда была первая мастурбация... О, поверь, мой дорогой, она прекрасно знает свое тело! Безупречные линии, чарующие стоны невинности. Ты бы смог оценить. Девочка – истинная де Мармонтель, ты даже представить не можешь, насколько. А ее склонность к химии, к медицине? Наш род славился свое слабостью к ядам и экспериментам на людях. Поверь, Эврард, я знал, куда тебя посылал, – в восторге от самого себя, Валентин рассмеялся. – А?

Каково? Абсолон де Мармонтель позаботился обо всем. Ты думаешь, почему я так терпеливо ждал ее совершеннолетия? Все документы – чистойшей липа. Разве взялся бы кто-нибудь за подобное, узнай они главный секрет нашего рода? Традиции, дорогой, традиции требуют особого отношения. Расчет моего отца был верным – русская, посчитав, что она спасает девчонку де Мармонтель, заботилась о ней лучше любой нанятой няньки. Пришло время, и мы забираем ее. Я без проблем зарегистрирую официальный брак – по документам моя сестра – совершенно чужой мне человек. Именно поэтому, я, мой милый старший друг, не слишком-то обиделся на тебя за Люси. С ней были бы проблемы. Она родила бы мне детей, но официально оформить это было бы сложно. С Лулу таких трудностей не будет! Просто и гениально. Мы сохраним чистоту рода, на мне традиции не нарушатся. Если только ты...

– Ты можешь доверять моему слову. Я зарекся связываться с женщинами семьи де Мармонтель.

– Как знать, как знать... – протянул Валентин, подначивая меня. – У вашего рода тоже есть традиция. Относительно нашей семьи. Пока что и она не нарушалась. Как твой отец с моей матерью, как твой дед с моей бабкой, и как ты с моей покойной сестренкой Люси...

– На Люси традиция закончилась, – оборвал я, стукнув кулаком по подоконнику.

– Я очень надеюсь на это! Мне нужны наследники. Мальчики и девочки. Лулу мне их обеспечит. Русские доктора хорошо позаботились о ней. Доктор Годар тоже ее осматривал. Мне удалось отправить его туда и подстроить осмотр в обычной клинике так, что ни Рыбакова, ни Лулу ни о чем не догадались. Рыбакова даже его не узнала, хоть они столкнулись в коридоре! Ох, Эврард! Эта забавная игра мне очень по душе! Что важно – девственность сохранена, так что она станет настоящим бриллиантом в истории де Мармонтель! Настоящий брак, настоящие документы и чистокровные маленькие наследники. Я велю накрыть праздничный стол к вашему приезду! Жаль, что это будет утро, но, в конце концов, какая разница?

Он отключился. Теперь я отвернулся спиной к окну, за которым были видны лишь самолеты и бескрайнее поле. А еще снег. Много белого снега, его кружила метель, не позволившая мне улететь на родину в срок. Я засунул руки в карманы теплого пальто и посмотрел в другой конец зала. Там, на одном из металлических кресел, съжилась де Мармонтель. Девчонка одета не по погоде – юношеский максимализм – думать, что все болезни исчезнут за несколько дней и без последствий. Лулу трясло.

Мэрд! Я назвал ее по имени! Только этого не хватало. Маленькая, мерзкая тварь, отродье де Мармонтель! Я не повторю своей ошибки. Люси было достаточно. Валентин так уверен в моей наследственности, потому что помешан на своей семье.

Еще одна де Мармонтель. Я отвезу ее к Валентину и лично прослежу, чтобы она вышла за него замуж. Тогда и разорву свою наследственность. На мне безумие нашей семьи закончится. Я его закончу, уничтожу своими руками.

Направился к девчонке, не стоит ее оставлять одну, сбежать не получится. Теперь я буду управлять ее судьбой!

Пока шел, в голове отстукивали слова Валентина: «Я знаю ее первое слово, первые шаги, знаю... когда была первая мастурбация... О, поверь, мой дорогой, она прекрасно знает свое тело...», о, да, Люси тоже прекрасно знала свое тело. Наигралась мной, как деревянной куклой. Хитрые, беспринципные самки. Эта немного молода, но как только попадет в родовое гнездо – моментально начнет меняться. Она чистокровная – она не будет другой.

«... первая мастурбация... О, поверь, мой дорогой, она прекрасно знает свое тело...» – его слова не выходили у меня из головы! Черт! Он это специально сделал. Знал, что даром мне это не пройдет. Она – де Мармонтель, она настолько же красива, как и все они. Весь их проклятый род! Смешивая и смешивая кровь братьев и сестер, отцов и дочерей, матерей и сыновей, они добились своего – сохранили уникальность аристократического колена. Казалось бы, дети должны были быть слабыми, с патологиями. Но – нет. Им везло и везет до сих пор.

Как будто сам дьявол сопровождает эту семейку! Лавандовые глаза покрылись инеем, губы потрескались, уродливая одежда должна была сделать из нее простушку. И... снова нет! Каждое движение, каждый взгляд лавандовых глаз, каждый вздох – порождает облако сексуального влечения, против которого не способен устоять никто. Каждый мужчина, каждый мальчик в этом зале посмотрел на нее, не раз вернулся взглядом. Кто-то спотыкается, кто-то откровенно глазеет.

И только я знаю, что это такое – оказаться в одной постели с наследницей де Мармонтель. Аромат нежной кожи, мелодичные движения тела, вздохи, сковывающие твое сердце и дарящие ему вечность в наслаждении. Острый ум в миг обведет тебя вокруг пальца. Наигранная простота и открытость – их конек.

Черт! Мне надоело слушать стук ее зубов. Когда же это прекратится? Невыносимо сидеть рядом, но и отлучиться никуда нельзя – опираясь на мой горький опыт – эта тварь организует проблемы на ровном месте. Скорее бы уже улететь.

«... первая мастурбация... О, поверь, мой дорогой, она прекрасно знает свое тело...» – я отвернулся от нее, но запах девчонки все равно достиг моих ноздрей. Влез в них без разрешения ядовитыми змеями, отравляя все на своем пути. Перед глазами стояла ее крохотная спальня в не менее крохотной коробке, именуемой квартирой. Дешевая кровать с затертым покрывалом, приглушенный свет настольной лампы... Ее шелковые русые волосы на подушке, лавандовые глаза, утонувшие в запретной влаге, длинные худенькие ноги прижимаются друг к другу, сдавливая руку, ласкающую девственную промежность... Она не похожа на ребенка. Сегодня уже взрослая девушка. Тело сформировалось, оно готово и зовет к оплодотворению. Вот-вот и она станет молодой, прекрасной женщиной. Воздух вокруг нее наполнен эротикой, молодой организм хочет секса, жаждет дорваться до него, хоть ее мозг пока этого не понимает.

Ничего, поймет очень быстро, как только попадет домой.

Конечно, слова Валентина вызвали в моей голове воспоминания о Люси. Эта де Мармонтель, что сидит сейчас возле меня и трясется от холода, мне незнакома. Но при этом она настоящая де Мармонтель и ничем не будет отличаться от остальных. Без сомнений.

Глава 5

За окном мела метель, накрывала самолеты снежным покрывалом, как будто останавливала эти большие машины с крыльями.

Мне очень страшно. Этот человек, который привез меня сюда и запугивал маму, он стоит у окна и уже несколько минут с кем-то разговаривает по телефону. Отсюда мне не слышно ни слова. Я вижу только его широкую спину и затылок. Стрижка у него необычная для наших мест. В моем городе мужчины чаще всего стригутся довольно скудно – либо под коlobка, либо налысо. Редко попадается мастер, способный сделать что-то на самом деле красивое. У «друга» моей семьи совсем иная ситуация – стрижка подобрана под его тип волос. Темные, чуточку выющиеся волосы лежат на голове, как будто их секунду назад мастер укладывал собственной профессиональной рукой. Как его зовут? Эврард? Имя странное. Такое же тяжелое, как и он сам. Недружелюбный, злой. Неужели... неужели в новом доме меня ждет точно такое же отношение? Или еще хуже?

Мама, моя мама сказала, что они изверги. Я верю ей. Боюсь, но верю. Вся эта история с тем, что она украла меня, сбежала. Вот, во что я верить не собираюсь. Мамочка заботилась обо мне все восемнадцать лет. Как могла, часто из последних сил – в нашем городе довольно сложно пристроиться без образования. И даже с ним количество мест строго ограничено. В Питер она не хотела перебираться, хоть я ей не раз намекала на то, что там могут понадобиться люди, знающие французский язык. Теперь я догадываюсь, почему же она так упиралась. Там нас было бы найти еще легче.

Холодно... Какой же холод в этом зале ожидания. Они, как назло, отключили отопление? Или это только мне так холодно?

– В как... в каком городе, – стуча зубами, задала вопрос вернувшемуся сопровождающему, – живут мои родственники?

– Не в городе, – нехотя ответил человек. Он явно избегал смотреть на меня, словно даже взглядом боялся испачкаться. – Дом де Мармонтелей находится за городом. Это большое имение.

Посмотрела на свои кроссовки. Теперь они мне не казались настолько красивыми. Имение?

– Беспокоишься за свой внешний вид? – неприятно резанул голос Эврарда. – Не волнуйся, одежда никак не влияет на твою сущность. Даже голой ты остаешься де Мармонтель. Что касается остального – в этом ты нуждаться не будешь. Твоя родня позаботится обо всем.

– Я... м-можно я схожу в туалет?

Попросив разрешения, надеялась избавиться от него хоть на пару минут, но сопровождающий поднялся и показал мне рукой встать. Он пошел за мной до самого женского туалета и остался дожидаться за дверью. Как будто вез не человека к родным, а тюремного заключенного перевозил. Действительно, только клетки не хватает. Было очень неловко. Я стесняюсь этого мужчины, и без его уничижительных взглядов чувствую себя ничтожеством, но, когда мы шли через коридоры аэропорта и красивые женщины стреляли в него глазами – мне становилось совсем не по себе. Желудок сводило, очень хотелось есть и пить. Попросить я его боюсь, но уже от голода начинает кружиться голова. Дома я так и не успела поесть – выпила бокал шипучки и все. От салата меня оторвал звонок в дверь, после которого... А еще было несколько часов пути. И все это время мой сопровождающий не сделал паузу ни на что. Как будто солдат, высеченный из холодного камня.

Специально задержалась в туалете. Хотела выкроить несколько минут. Тот человек ждет сразу за дверью и, стоит мне выйти, опять начнет буравить взглядом. Мне надо... мне надо как-то договориться с ним. Похоже, до дома моей родни еще очень далеко. Он сказал, они живут не

в городе. А где? Молчит! Просто тащит меня к ним, действительно, почти в клетке. Умывшись и бросив на себя взгляд в зеркало – вышла наружу. Нет смысла сидеть там. Пытаться сбежать тоже. Вариант только один.

Как и думала, он стоял рядом с дверью. Совсем не смущаясь, что в эту дверь то и дело входят женщины, с недоумением косятся на него, но тому хоть бы что.

– Вы же отвечаете за меня, так? – собрав всю смелость в кулак, спросила чужака на его родном языке. В ответ получила порцию молчаливой надменности. – Так?

– Так, – нехотя произнесли его губы.

– Я очень хочу есть и пить. А еще – мне очень холодно. Мы можем пойти куда-то, где будет теплее?

– Иди за мной.

И все. Развернулся, направился в сторону уголка с кафетерием, на который я уже давно положила глаз.

– Что желаете? – спросила симпатичная женщина за стойкой. В ближайшей витрине было бесчисленное количество свежей выпечки, пахло горячим кофе – от всего этого моя голова еще немного поплыла. Но денег у меня не было, поэтому я посмотрела на своего спутника. Тот, усмехнувшись, велел по-французски:

– Заказывай все, что хочешь. Вы, де Мармонтели, не отказываете себе ни в чем. Твой брат просил меня оплачивать твои капризы.

Я не поняла его заявления, поэтому попросила лишь две булки и чай. Как только мы оказались за одним из столиков – первым делом обняла заледеневшими ладонями горячую кружку. И услышала, как француз выругался. Через мгновение, на мои плечи легло его пальто. Сам он опустил напротив, себе из еды не взял совсем ничего.

– Можно вас попросить? – спросила его с булкой в зубах.

– О чем? – сопровождающий раздраженно нахмурился.

– Вы можете не смотреть на меня все время? Я боюсь подавиться.

Словно вспомнив что-то, мужчина отвел взгляд в сторону. Сложив руки на груди, он уставился на сидевшую невдалеке красивую молодую женщину. Воспользовавшись моментом передышки, я вцепилась зубами в еду – кто его знает, когда представится следующая возможность поесть. С этим типом ничего не предугадаешь. Француз терпеливо не смотрел на меня, однако сидеть в одной позе, похоже, тоже устал. Он вытянул немного свою правую ногу, не подумав, что столик у нас очень маленький, поэтому его колено предсказуемо зацепило мое. Он тут же убрал свою ногу. Как от прокаженной отстранился.

– Я могу называть вас Эврард? – дожевав свою еду, решила попытаться наладить контакт. Все же я должна понять все то, что происходит. Почему он так ко мне относится? Ведь, по идее, если он приехал от имени моей семьи, если они рады будут меня встретить, то почему же с его стороны льется столько ненависти? – Меня зовут Лулу.

– Ты не отстанешь?

– Нет. Вы же не собираетесь заклеить мне рот?

– Сделал бы это с превеликим удовольствием.

Отпила чай. Француз снова испепелял меня своими карими глазами. Может быть, и не стоило обращать его внимание на себя. Но я должна выяснить, что здесь происходит, и кто он такой!

– Но не делаете этого, значит, я могу попытаться подружиться с вами? Можно вас поблагодарить за ваше пальто? Я его скоро отдам, если вы не против, еще хотя бы пару минут погреюсь – здесь очень холодно.

– Можешь оставить его себе.

Я убрала руки от уже пустой и остывшей чашки и поднесла ладони ко рту, подышала на них, продолжая согревать. Теперь, в его теплом пальто мое тело начало оттаивать и аккумулировать жизненно необходимое тепло.

– Нет! Ни в коем случае! Это ваша вещь и она очень дорогая. Я... Мне очень стыдно, что вам пришлось его отдать мне. Я его верну через несколько минут.

Мой собеседник криво усмехнулся. Он не верил мне, это было очевидно.

– Можешь забыть о человечности и скромности – в случае вашей семьи – это почти позор.

– Это не позор! – я взбрыкнула. – Вы что? Мама учила меня, что надо относиться к людям так, как бы ты хотел, чтобы относились к тебе.

– Рыбакова – не твоя мама. Твоя настоящая мать так не считает. Скоро у тебя в жизни появятся другие ценности.

Мне надоело его это беспричинное злое отношение, к тому же, на сытый желудок появились силы и желание защищаться:

– Почему вы такой злой? Мы с вами совсем незнакомы, а вы как будто ненавидите меня. Говорите такие страшные вещи, смотрите зло. Но я же вам ничего не сделала. И не собираюсь. Я всего лишь попросила у вас попить и поесть – ведь это вы ворвались в дом к моей маме и увезли меня оттуда. Если я вам так мешаю – просто позвольте мне вернуться. Мне не нужна другая семья. И деньги, какое-то там наследство. Я люблю свою маму и свой город, зачем вы вмешались в это, если вам так противно, и вы тем более не хотите этого делать?

Он ничего не говорил, кажется, стал еще злее. С перепугу, я продолжила тараторить:

– Вы сказали, что моя семья хочет меня увидеть. Прекрасно – пусть они сами приезжают ко мне. Или подождут, пока я заработаю достаточно денег, и сама к ним полечу. Адвокат говорила, что моя родная мама при смерти. Я ее не знаю. Я не понимаю, о ком идет речь. Могу сказать с точностью совершенно другое – мою настоящую маму вы заставили пережить жуткий кошмар с вашим появлением. Я очень сильно беспокоюсь о ней. Повторяю, если вам так противно – отпустите меня, я сама разберусь со своими родственниками.

– Ты закончила?

– Да! Нет...

– В таком случае, нам пора на посадку.

Француз не забрал пальто. В пиджаке и рубашке прошел к самолету, даже не пожившись от холода. Вся моя смелая речь ушла в пустоту, он не посчитал нужным хоть как-то ответить на это. В скором времени я смотрела в маленькое овальное окошко и прощалась с родной землей. Злой человек, чье пальто согревало меня весь оставшийся путь, перестал со мной разговаривать до самого дома де Мармонтель. Где-то там осталась моя мамочка. Француз потребовал, чтобы свой телефон я оставила дома у мамы. Так, я теперь даже никому и ничего не могу сообщить. Лишь мысленно попрощаться и понадеяться на то, что у меня получится сдержать обещание и когда-нибудь вернуться домой.

Глава 6

После показавшегося бесконечным пути, ожидания самолета, передрыг в аэропорту, пути от аэропорта по безликим шоссе на машине – мы, наконец, оказались в крохотном городке. Машина провезла нас по величественным, широким улицам, вдоль которых росли аккуратно подстриженные деревья, и свернула в поля. Это произошло одновременно – на улице окончательно рассвело, выглянуло теплое, желтое солнышко и осветило неповторимой голубизны весеннее небо!

Зима вместе с моей старой жизнью осталась где-то там, далеко, как будто во сне, которого больше никогда не будет. За окном стелились бескрайние зеленые, желтые, безумно ухоженные поля. Я безошибочно узнала виноградники. С этой минуты я забыла о том человеке, который всю дорогу сидел рядом со мной. Больше не было нужды заставлять себя отворачивать голову в другую сторону. От восхищения тем, что я видела, у меня перехватило дыхание. Но сердце замерло окончательно после того, как мы свернули и с этой дороги, и через несколько мгновений увидели перед собой невероятной красоты зрелище – в конце дубовой аллеи, на которой мы оказались, возвышался величественный замок из белого камня. Я никогда не видела живую ни замки, ни дворцы, но это, конечно, больше было похоже на дворец. Над фасадом торчала небольшая башенка, в блестящей конусообразной крыше которой отражались солнечные лучи, заставляя, тем самым, весь замок сиять. Мой взгляд привлекло что-то сбоку от автомобиля. Повернула голову и увидела, как бесчисленная стая черных ворон с зеленого поля взлетает в воздух. Они подняли невероятный шум своим карканьем и на мгновение даже закрыли солнышко от нас.

Я вспомнила про человека, сидевшего рядом со мной. Эта стая, как и он, в солнечный день одним своим молчаливым присутствием способна испортить все, что угодно. Автомобиль продолжил движение. Аллея закончилась, мы подъехали к замку, на крыльце главного входа которого начало происходить что-то невероятное. Один за другим, из замка выходили люди, мужчины в черных костюмах, белых рубашках и галстуках, женщины в черных платьях, белых передниках и белых кружевных украшениях в волосах. Люди встали по обе стороны от входа. В общей сложности я насчитала больше двадцати человек – дальше не успела, машина остановилась прямо перед входом. Тогда же на верхней ступеньке появился человек – статный молодой мужчина в светлом костюме.

В это же мгновение я поняла, что меня и вправду доставили домой. Я узнала его короткие русые волосы, лавандовые глаза... Это было неопишное ощущение, узнать, увидеть, почувствовать, что у тебя есть родной брат! Не было никаких сомнений в том, кто он. Он достаточно молодой, чтобы не быть моим отцом. И мы с ним так похожи! Подбородок, линия носа – все! Просто все!

А самое главное, он улыбался! Открытой, широкой улыбкой, как будто действительно с нетерпением ждал приезда кого-то очень важного для себя.

Я сама вышла из машины. Все еще укутанная в пальто ужасного сопровождающего. Обошла автомобиль, мне хотелось быстрее увидеть родного человека вблизи. В ту секунду я забыла обо всем настолько, что, когда пальто на моих плечах схватила за шкварник чья-то недружелюбная рука, безжалостно сорвала его – я пошатнулась и чуть не упала на землю. Тогда во все глаза смотрела на брата, и эта выходка Эварда чуть не стала для меня первым позором.

Я затравленно обернулась на него – владелец пальто, даже не взглянув на меня, бросил свою вещь в руки одного из людей в костюме и велел: «Сожгите его», взбежал по ступенькам к моему брату. Я обхватила собственные плечи – холодно не было, он меня сильно напугал. Остановился на ступеньках и презрительно посмотрел на меня и на моего родственника, который откровенно сияя, спустился и набросил мне на плечи свой пиджак.

– У, этот злой Эвхард! – мой родственник только пожурил друга, он обнял меня за плечи и поцеловал в висок. – Он злится на тебя, моё сердце. Этот злой, нехороший Эвхард! Ну, ничего, ты скоро подружишься с ним. Дом де Мармонтель много веков считает Дом де Даммартен своей близкой семьей и причисляет к родственникам всех его обитателей. Не хмурься, моя радость, лучше позволь мне себя рассмотреть!

Брат коснулся моего подбородка ухоженным тонким пальцем и каплю приподнял мою голову вверх.

– Настоящая! – с восхищением в мелодичном голосе произнес он. – Чистокровная! Лулу де Мармонтель! Добро пожаловать домой, моя любимая, дражайшая девочка! Я уже заждался тебя! Мы все заждались! – поднял он голос и обернулся на хмурого друга, который не спешил уходить в замок. Так и стоял, испепеляя нас своей яростью. – Эвхард, ты присоединишься к нам во время завтрака? Ты не можешь отказать мне, мой друг! В это великолепное утро в замке праздник! Моя сестренка вернулась домой!

– А как... как тебя зовут? – спросила я, покрасневшись от его радушных объятий. После ледяного сопровождения, такая встреча должна была меня успокоить, но все было наоборот. Почему-то, как только жуткий Эвхард забрал пальто и отошел, передав груз в виде меня брату – у меня земля ушла из-под ног. Мне казалось, будто мост над пропастью, на котором я стояла, разрушился почти полностью. Осталась лишь одна тончайшая нить, на которой я теперь шатаюсь и вот-вот упаду. Если только... если только он сейчас уйдет.

– Ты дрожишь, моя маленькая, – ласково сказал брат. – Противный Эвхард не рассказал тебе ничего? Не будем судить его строго, у него есть на то причины, я тебе потом расскажу, и ты со мной согласишься. Что ж... Позволь тебе представиться, моя дорогая Лулу де Мармонтель!

Брат сделал шаг назад и совершил изящный поклон, в конце поцеловав мне руку:

– Валентин де Мармонтель, твой брат! Это я позаботился о том, чтобы ты вернулась домой, моё сердце. Это твой дом! Наше с тобой родовое гнездо, где тебе суждено расцвести и стать настоящим бриллиантом одной из древнейших фамилий!

Брат снова обнял меня за плечи поверх своего пиджака и повел внутрь замка. Эвхард уже скрылся в нем.

– Пойдем же, моя красавица, тебе нужно поесть и отдохнуть с дороги. Пойдем...

Переступив через порог, я задрала голову – потолки были невероятно высокими! С них свешивались старинные люстры, их украшала художественная лепнина. Все, все вокруг напоминало настоящую сказку.

Пока я гладела по сторонам, Валентин приказал кому-то:

– Отведите мадмуазель в ее спальню, ей надо переодеться, а после сопроводите к завтраку!

Поцеловал меня в висок и снова ласково прошептал:

– Не задерживайся, за завтраком ты познакомишься с нашей матерью.

Я кивнула и отдала ему пиджак, поспешила за женщиной в черном платье и белом фартуке. Он сказал – познакомлюсь со своей матерью? Теперь, когда я встретила брата и своими собственными глазами убедилась, что все это не выдумки, что вот это и есть моя семья – я вдруг захотела встретиться с женщиной, от которой произошла. Я не могу назвать ее мамой. И вряд ли когда-то смогу. Мама у меня одна. Как бы ни было, она меня родила, и она меня воспитывала все эти годы. Но... я не стану скрывать, что не смогу теперь спокойно уснуть, пока не увижу ту, чьи черты лица имею. А теперь я точно знаю, что целиком и полностью пошла в них, в этих Мармонтелей. Вот, почему было столько вопросов о моей несхожести с мамой Ниной.

Женщина привела меня на третий этаж. По дороге мы пересекали коридоры, поднялись по широкой царственной лестнице, пока не добрались до комнаты, где мне теперь требовалось разместиться.

– Здесь у вас будет все необходимое, мадмуазель де Мармонтель. Как видите, кровать, секретер, за этой дверью скрывается малая гардеробная. Ваша главная гардеробная в данный момент пуста, господин де Мармонтель сказал, что вы заполните ее очень быстро. В малой гардеробной есть некоторые вещи, которыми вы можете воспользоваться прямо сейчас. За этой дверью – ванная комната. За этой – уборная. По старой традиции, мадмуазель, в замке работают колокольчики – вы можете вызвать одного из слуг в случае необходимости.

Женщина застыла, ожидая, пока я все рассмотрю.

– Сколько у меня есть времени до завтрака?

– Все готово, мадмуазель, ждем только вас и месье де Даммартена. Обычно пауза перед едой у молодых господ занимает примерно двадцать минут. Я думаю, это время есть в вашем распоряжении.

– Я могу спуститься в этой одежде?

– Боюсь, нет, мадмуазель. Вам придется воспользоваться тем, что есть в малой гардеробной. Размеры подобраны точно, вам не стоит сомневаться. Если желаете, я могу вам помочь.

Заглянула за дверь.

– Я... я не знаю, что подойдет для завтрака.

– Однозначно, что-то светлое, мадмуазель. Вот это платье, например. Коллекция этого года от Клоди Мерло. Мягкий твидовый материал, v-образное декольте и рукава чуть ниже локтя. Пусть вас не смущает его длина – у вас очень красивые ноги, мадмуазель. Вне сомнений, вы действительно чистокровная де Мармонтель. Я бы вам рекомендовала эти туфли и колготки. Сейчас в замке может быть несколько прохладно для голых коленок.

Положив все это на край кровати, женщина поклонилась мне и сказала:

– Я вернусь за вами через двадцать минут.

Руки тряслись, пока я умывалась и одевалась. Сейчас, вот сейчас я узнаю все, ради чего проделала такой длинный путь. Может быть, моя семья окажется доброй, и я смогу с ними договориться, чтобы вернуться домой. Они – не Эврард. Мой брат уже показал это. Я молниеносно воспользовалась всем тем, что было оставлено для меня в ванной, освежилась и влезла в чистое белье и платье еще мокрой. Пальцы танцевали в воздухе, все падало из рук. С третьего раза влезла в туфли, не говоря уже о колготках, которые от спешки чуть не порвала. А потом слонялась по комнате, ждала, пока та же женщина вернется за мной. Боже мой, боже, а вдруг, мне удастся позвонить маме уже сегодня, а потом и домой отправиться? Может же быть, что весь этот ужас вокруг моего отъезда создал только мой сопровождающий?

В дверь постучали, я распахнула ее так резко, что даже напугала ту женщину. Она снова поклонилась мне и отступила назад, пропуская меня выйти из комнаты. Еще шага не сделала, как столкнулась взглядом с Эврардом! Он в этот же миг вышел из комнаты, дверь в которую располагалась не слишком далеко от моей. Женщина не обманула – он тоже, видимо, переодевался, так как сейчас выглядел иначе. На нем был другой костюм, но не другое выражение лица. Под его осуждающим взглядом мне захотелось спрятаться за спину несчастной женщины, хоть она в моих бедах и не виновата.

– Пройдемте к лестнице, мадмуазель, – сказала она, обойдя меня и проходя мимо Эврарда, застывшего у своей двери, слегка поклонилась и ему.

Я пошла быстро. На нервах, слишком быстро, не рассчитав, что настолько высокие каблуки надела во второй раз в своей жизни. По Кингисеппу в подобной обуви не походишь, а замка у меня никогда не было, так что на подобную роскошь можно было любоваться только на расстоянии. Однажды, Катя, моя подруга, одолжила мне что-то похожее на дискотеку. Слава Богу, было лето – домой я несла их в руках.

Естественно! Как назло! Когда я проходила мимо этого человека – зацепилась каблуком за ковровое покрытие и полетела на пол! Рухнула на колени прямо ему под ноги, и без того короткая юбка задралась, волосы разлетелись в стороны, лицо утонуло в красном стыде. А этот

человек развернулся и направился к выходу на лестницу, у которого меня ждала та женщина. Повезло хотя бы в том, что не сказал ничего. И что колготки остались целыми.

– Мадмуазель, вам помочь? – спросила женщина.

– Нет, нет, спасибо! Большое спасибо, я сама, сейчас... Каблуки просто...

Задавила в себе слезы. Безразличие этого человека снова задело меня. Почему? Почему я беспокоюсь о такой ерунде, когда моя жизнь уже почти полностью развалилась и у меня появился хлипкий шанс, надежда, восстановить все?

Музыку услышала, еще спускаясь с лестницы. Мягкое звучание арфы и тонкий голос мальчика, исполнявшего неизвестную песню подобно маленькому ангелу. Мы вышли в большой зал. Потолки здесь не ниже четырех с половиной метров. В центре – накрытый белой скатертью стол. На столе посуда, свежие белые цветы, золотые канделябры с зажжёнными свечами. В углу просторной комнаты небольшая сцена – на ней девушка сидит на стуле и играет на деревянной арфе, а рядом мальчик лет десяти в костюме и бабочке на воротнике белой рубашки. У стен стоят люди, в общей сложности человек десять – одни из тех, что встречали нас на улице. Наконец, мой взгляд коснулся стола и тех, кто был за ним. Из присутствующих я увидела только женщину в инвалидной коляске. Ее лавандовые глаза были затянуты блеклой пленкой. Русые волосы заплетены в толстую косу. Она еще не была стара, почему же они все говорят, что она при смерти? Тоненькая фигура сидит неподвижно, закованная в этом уродливом кресле. Это кажется нелепым, женщина слишком красива, чтобы быть без движения, быть инвалидом. Нет... Нет, но она... она моя мать.

Мои пальцы подлетели к моим губам. Я никогда не знала ее, услышала о ее существовании сутки назад. Но... увидев ее, на мои глаза навернулись соленые слезы. Почему? Снова это «почему»? Почему я так реагирую?

– Подойди же к ней, – мягко сказал мне Валентин, поднявшись из-за стола. – Лулу, не бойся, это твоя мать. Подойди к ней и обними. Не бойся проявлять свои чувства – это в тебе говорит кровь де Мармонтелей! Кровь тянется к крови, наслаждайся этим моментом, сестра моя!

Подошла. Но не обняла. Я опустилась на стул рядом с ней. Боялась даже притронуться к этой женщине, хоть слезы уже давно заливали мои щеки. Наше сходство было потрясающим. Она действительно моя мать. Вот, оказывается, что это за чувство. Зов крови... Было такое ощущение, что знаю о ней все. Абсолютно все. Мы настолько похожи... Как две идентичные капли воды. Такого просто не бывает.

– Она не разговаривает, сестра моя. Наша мать обиделась на меня и дала обет молчания. Но это не должно помешать вашей встрече. Какие обиды могут стоять между тем фактом, что она твоя мать, а ты ее дочь?

Моя ладонь каким-то образом коснулась ее прохладной руки. Мама вздрогнула. И я тоже. Это было похоже на легкий удар током. Я сжала ее руку. И вдруг она положила поверх нашего рукопожатия свою ладонь и тоже сжала ее.

– Лулу, – выдохнув мое имя, мама затряслась вся и... из ее невидящих глаз тоже покапали слезы.

Мой лоб упал на ее плечо. Я больше не смогу сказать, что она мне никто. Как объяснить то, что я к ней чувствую? Как объяснить эти металлические оковы на сердце? Как объяснить эту непонятную боль?!

Она сжимала мою руку и гладила меня по волосам. Шептала мое имя и плакала. Мы обе плакали и как будто только мы вдвоем понимали, почему.

– Ну, все! Все, довольно! – Валентин хлопнул несколько раз в ладоши. – Пора праздновать, а не лить слезы! Шаманское! Где наше шампанское?!

Завтрак, наконец, начался. Брат отсадил меня от матери, мотивировав это тем, что нам всем надо спокойно поесть, а мне стоит отдохнуть после дороги. Мне и Эврарду, который тоже

был здесь. Пока длился завтрак, мальчик продолжал петь, а мой брат завел беседу со своим другом. Они обсуждали политику Франции. Я пока решила промолчать о возвращении. Побоялась заговаривать об этом при моей... моей матери. Я спрошу у Валентина позже, как только появится возможность поговорить наедине. Без Эврарда и мамы. Я теперь больше, чем уверена, что все не так плохо, как мы с моей мамой Ниной решили с самого начала.

– У моей очаровательной сестренки здоровый аппетит, – подмигнул мне брат с другого конца стола.

Эврард поморщился и, промокнув губы салфеткой, отложил ее в сторону.

– Это плохо? – спросила я, смутившись из-за улыбки Валентина.

– О, нет! О, нет, моё сердце! Ты настоящая наследница де Мармонтелей, у тебя всегда будет идеальная фигура, можешь себе ни в чем не отказывать. И не забывай, моя радость, что тебе нужно хорошо питаться, твой организм должен быть очень сильным, ему предстоит потрудиться для семьи!

Я напряглась, потому что женщина в инвалидной коляске выронила вилку. Столовый прибор со звоном упал на пол. Сразу же один из мужчин в форме подлетел и поднял с пола этот предмет.

– Мамочка устала, – рассмеялся Валентин не к месту, мигом прогнав иллюзию добра. – Маме пора поспать. Этот мир принадлежит молодым, не так ли, моя сестричка? Этот мир принадлежит нам с тобой! Посмотри на нее, дорогой Эврард. Ты так старательно отводишь взгляд – но не можешь не признать то, насколько она божественно прекрасна! Моя милая, Лулу! Ешь, отдыхай, у тебя впереди много работы! Ты должна узнать историю нашего рода, ты должна научиться всем премудростям жизни настоящего аристократа, ты должна научиться искусству любви! И, о, боже, самое главное – ты должна научиться сорить деньгами, управлять судьбами! Все это, – Валентин громко рассмеялся, распростёр руки к потолку и запрокинул голову назад, – все это ждет мою маленькую невесту Лулу де Мармонтель! Эврард, дорогой мой, для тебя в ее жизни тоже уже уготовлена роль – ты поведешь Лулу к алтарю!

Вся вода, которую я пила только что из стакана, оказалась на столе передо мной. Я закашлялась. Так сильно, что в груди все начало раздираться от этого ненормального кашля. Я смотрела на них. На Эврарда, не подавившего торжествующую усмешку, на счастливого брата, несшего несуразную чушь и на побелевшую мать. Теперь она выглядела точно так же, как моя мама Нина, когда я ее оставляла в Кингисеппе.

– Я... я, наверное, что-то расслышала не так. Мой французский... Мне показалось, что я слышала слово «невеста».

– Тебе не показалось! – Валентин вскочил со своего места, быстро направился ко мне, шагая вдоль длинного стола. Походя, он успел коснуться подушечками пальцев плеча мамы. – Ты все расслышала правильно!

Он махнул рукой и все люди, кто молчаливо стоял вдоль стен, музыканты, бесшумно испарились из зала. С собой они увезли и мою вторую маму.

– Я бы хотел, чтобы ты отдохнула и позже мы поговорили бы обо всем. Но... боюсь, я не дотерплю! Боже мой! – он опять воздел руки к потолку. – Я же так ждал этого! Моя маленькая, чистокровная сестричка! Приготовься узнать всю правду о своем рождении и его предназначении!

Глава 7

Спать?

Спать...

Спать и не просыпаться.

Не просыпаться после той правды, которую я только что узнала о себе.

Меня снова вывернуло наизнанку. Я обнимала стерильный унитаз в туалете, прилегавшем к моей спальне. Еще. И еще раз. Вытерла рот рукой, уперлась лбом в холодный обод раковины. Прикрыла глаза.

Как он сказал?

– Ты – чистокровное дитя семьи де Мармонтель! Ты дочь нашего отца и нашей матери. Они – оба такие же чистокровные де Мармонтели. Оба, повторяю. Мы все братья и сестры. Веками мы продолжали наш род, не смешивая свою кровь с кровью недостойных! Ты – избранная де Мармонтель. Тебя зачали, чтобы ты стала моей женой. У тебя, мое сердце, великая миссия – ты должна родить нам детей – следующее поколение де Мармонтелей!

Меня начало мутить прямо в столовой. Весь зал закружился вокруг моей головы. Улыбка брата стала какой-то дьявольской.

– Мои... – с трудом подавляя рвотные позывы, выговорила я, – родители – родные брат и сестра?

– О, боги! – выкрикнув это в потолок, Валентин подошел ко мне и нанес пощечину. Несильную, я бы не сказала, что было больно. Но голова моя улетела с сторону. Эврард даже не попытался заступиться, впрочем, он уже показал свое отношение ко мне. – Проснись же, Лулу! Ты одна из нас, пора уже взрослеть, принцесса! Конечно, конечно, моя радость, ты все правильно поняла. Ты – особенное дитя, с особенной судьбой. О... тебе не стоит меня бояться. В этом замке о тебе будут заботиться, как никогда и нигде. Здесь тебя будут любить больше всего на свете! Ты будешь купаться в любви, в золоте, во власти и поклонении твоей красоте! Тебе будет дозволено все. Может быть, ты сейчас этого не понимаешь, виной всему – твоё воспитание. Ты была вдалеке от нашей семьи, вдалеке от нашего дома, в твою маленькую головку были вложены глупые вещи. Это нестрашно. У нас есть время. Ты должна повторить судьбу женщин де Мармонтель! Как это было на протяжении десятков поколений. Мы сохранили свою уникальность, пронесли ее через века и на нас с тобой традиции не останутся. Мы их не только продолжим, но и усовершенствуем!

– Что случилось с моей мамой, почему она такая? Ее... тоже любили? – горько усмехнулась я, не в силах справиться с тем, что услышала.

В том конце зала наконец отреагировал Эврард. Теперь уже он расхохотался, да так громко, что у меня чуть не заложило уши. Смех был очень злым. Злым настолько, что могло показаться – это не смех, а рев смертельно раненного животного.

– Ты насмешила нашего друга, – оглянулся на него Валентин и сразу вернулся ко мне. – Глупенькая, Лулу.

Брат погладил меня по голове, наклонился и поцеловал в макушку.

– Женщины де Мармонтель были всегда настолько любимы, насколько это вообще возможно. С этого начался наш род. Они обладали непревзойденной красотой, были настолько прекрасны, что наш далекий предок влюбился в свою сестру. Эта любовь была взаимной. Они родили первых малышей. Так и повелось. Мы влюблялись друг в друга. Мы убивали ради друг друга. Иногда, могло обойтись парой трупов. Но бывали случаи, когда убивали целые поселения, разоряли замки и вырезали всю родню тех, кто похищал женщин де Мармонтель. Понимаешь, моя малышка, насколько наша любовь сильна друг к другу? Тебе не о чем переживать.

Разве что только о том, что ты не выйдешь за пределы нашего имения, пока не докажешь мне, что стала настоящей де Мармонтель.

Он опять поцеловал меня в висок.

– Не пугайся. Со свадьбой мы не спешим. Матушка против нашего брака, ее рассудок помутился. Но врачи делают хороший прогноз – ей осталось совсем недолго. Неделя, возможно, две. Этого времени тебе хватит для того, чтобы отдохнуть, узнать о нашем роде, узнать меня. И, самое главное, узнать саму себя. Моя безупречная, маленькая Лулу. Тебе надо поспать... Ты хочешь узнать правду о своем рождении, о себе, я все расскажу, у нас достаточно времени. Но теперь...

– Что случилось с моей мамой?! – сквозь зубы отчеканила я по слогам. И подняла глаза на того, кто секунду назад сломал все, на чем держался мой шаткий мир. Вот она, последняя нить порвалась!

– О! Я смотрю, твой характер начал прорезаться уже сейчас!

Он наклонился ко мне и прошептал на ухо:

– Я расскажу об этом после. Только намекну. В этом завязаны де Даммартены. А теперь – спать, моя любимая. Беги в свою комнату!

Ему не потребовалось мне повторять – я умчалась из того страшного зала, от эти жутких людей, даже несмотря на каблуки. Потеряла туфли по дороге сюда.

Мне с трудом удалось подняться на ноги и умыться. Больше не хотелось бежать – эта правда была настолько жуткой, что просто не могла быть выдумкой. Я – урод. Я ребенок, рожденный от брата и сестры. Рожденных... от брата и сестры.

Умывшись, ушла в комнату, легла на кровать и завернулась в одеяло. Мне впервые не хотелось жить. В Кингисеппе я была обычной девчонкой. У меня была обычная жизнь, увлечения, семья. Мама и дядя Ваня. Нормальные люди. У меня были подруги. Они считали меня обычной. Ругались на мою худобу и всего-то. Мы даже почти никогда не ссорились. У меня был кот.

А теперь.

Я хотела к ним вернуться.

А теперь...

Уж лучше пусть они решат, что я умерла, чем узнают ту правду, которую знаю я. Урод. Я – урод.

Брат сказал, что я должна выйти за него замуж. Родить ему детей. Таких же, как я? И он.

Мысли роились в моей голове, но усталость все же свалила с ног. Я уснула, пытаюсь понять намек брата на Даммартенов. В этом вихре жутких новостей – это сообщение казалось ключиком к двери, за которой прячется тот единственный выход, который я могу найти. Эвхард ненавидит меня, но в этой сшибающей с ног любви моего брата, именно эта ненависть кажется чем-то... чем-то единственно... правильным...

Глава 8

Девчонка де Мармонтель сбежала в свою комнату. Новости вывалились на нее ушатом грязи. Ничего, она крепкая, немного поплачет и в скором времени превратится в истинную наследницу своего рода.

– Держи, это ее документы, – я бросил бумаги на стол перед Валентином. – Теперь ты волен делать с ней все, что захочешь.

Валентин вернулся к моему концу стола, проводив сестру долгим взглядом. Он был счастлив.

– Спасибо, спасибо мой дорогой Эврард! Ты это видел? – он кивнул головой в сторону лестницы. – Сколько чувств в ее глазах! О, она такая страстная! Что ни говори, Люси не была такой. Мы избаловали ее, к восемнадцати всем пресытилась и уже ничем не интересовалась. Кроме тебя, мой дорогой друг. Я предвижу, в ближайшие дни нам предстоит увидеть незабываемое перевоплощение – столько силы, здоровья, жажды жизни! Прекрасная, прекрасная Лулу!

Валентин налил себе выпить и залпом осушил бокал. Предложил мне.

– Нет, я, пожалуй, откажусь.

– О, не говори, мой друг, что у тебя еще какие-то дела сегодня! У нас запланирован обед, я бы очень хотел, чтобы ты на нем присутствовал.

– К сожалению, сегодня не смогу составить тебе компанию. Ты прекрасно справишься и сам. Позови кого-нибудь. Ты же мастер устраивать вечера.

– О, нет! Сегодняшний вечер я очень хочу провести в узком семейном кругу, и ты к нему принадлежишь. Не расстраивай меня, Эврард, останься! Девочка очень хочет узнать, что же случилось с ее матерью, а ты в этой истории главное действующее лицо. Будет интереснее, если ты будешь присутствовать!

Я поднялся с кресла. Посмотрел на часы – мне тоже не помешало бы отдохнуть. Мысли унеслись на третий этаж. В длинный коридор, где есть одна дверь, за которой сейчас пульсирует одна ненавистная мне жизнь.

– Я сделал для тебя достаточно, Валентин. Привез ее сюда несмотря на то, что рисковал собственной безопасностью и именем. Теперь я займусь делами наших семейств, с твоего позволения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.